

Русская народная сказка «Снегурочка»

Жил-был крестьянин Иван, и была у него жена Марья. Жили Иван да Марья в любви и согласии, вот только детей у них не было. Так они и состарились в одиночестве. Сильно они о своей беде сокрушались и, только глядя на чужих детей, утешались. А делать нечего! Так уж, видно, им суждено было. Вот однажды, когда пришла зима да нападало молодого снегу по колено, ребятишки высыпали на улицу поиграть, а старики наши подсели к окну поглядеть на них. Ребятишки бегали, резвились и стали лепить бабу из снега. Иван с Марьей глядели молча, призадумавшись. Вдруг Иван усмехнулся и говорит:

— Пойти бы и нам, жена, да слепить себе бабу!

На Марью, видно, тоже нашёл весёлый час.

— Что ж, — говорит она, — пойдём, разгуляемся на старости! Только на что тебе бабу лепить: будет с тебя и меня одной. Слепим лучше себе дитя из снегу, коли Бог не дал живого!

— Что правда, то правда... — сказал Иван, взял шапку и пошёл в огород со старухой.

Они и вправду принялись лепить куклу из снегу: скатали туловище с ручками и ножками, наложили сверху круглый ком снегу и обгладили из него головку.

— Бог в помощь! — сказал кто-то, проходя мимо.

— Спасибо, благодарствуем! — отвечал Иван.

— Что ж это вы поделываете?

— Да вот, что видишь! — молвит Иван.

— Снегурочку... — промолвила Марья, засмеявшись.

Вот они вылепили носик, сделали две ямочки во лбу, и только что Иван прочертил ротик, как из него вдруг дохнуло тёплым духом. Иван второпях отнял руку, только смотрит — ямочки во лбу стали уж навывкате, и вот из них поглядывают голубенькие глазки, вот уж и губки малиновые улыбаются.

— Что это? Не наваждение ли какое? — сказал Иван, кладя на себя крестное знамение.

А кукла наклоняет к нему головку, точно живая, и зашевелила ручками и ножками в снегу, словно грудное дитя в пелёнках.

— Ах, Иван, Иван! — вскричала Марья, задрожав от радости. — Это нам Господь дитя даёт! — и бросилась обнимать Снегурочку, а со Снегурочки весь снег отвалился, как скорлупа с яичка, и на руках у Марьи была уже в самом деле живая девочка.

— Ахты, моя Снегурушка дорогая! — проговорила старуха, обнимая своё желанное и нежданное дитя, и побежала с ним в избу.

Иван насилу опомнился от такого чуда, а Марья была без памяти от радости. И вот Снегурочка растёт не по дням, а по часам, и что день, то всё лучше. Иван и Марья не нарадуются на неё. И весело пошло у них в дому. Девки с села у них безвыходно: забавляют и убирают бабушкину дочку, словно куколку, разговаривают с нею, поют пёсни, играют с нею во всякие игры и научают её всему, как что у них ведётся. А Снегурочка такая смышлёная: всё примечает и перенимает.

И стала она за зиму точно девочка лет тринадцати: всё разумеет, обо всём говорит, и таким сладким голосом, что заслушаешься. И такая она добрая, послушная и ко всем приветливая. А собою она — беленькая как снег; глазки что незабудочки, светло-русая коса до пояса, одного румянцу нет вовсе, словно живой кровинки не было в теле... Да и без того она была такая пригожая и хорошая, что загляденье. А как, бывало, разыграется она, так такая утешная и приятная, что душа радуется! И все не налюбуются Снегурочкой.

Старушка же Марья души в ней не чаёт.

— Вот, Иван! — говаривала она мужу. — Даровал-таки нам Бог радость на старость! Миновалась-таки печаль моя задушевная!

А Иван говорил ей:

— Благодарение Господу! Здесь радость не вечна и печаль не бесконечна...

Прошла зима. Радостно заиграло на небе весеннее солнце и пригрело землю. На прогалинах зазеленела мурава, и запел жаворонок. Уже и красные девицы собрались в хоровод под селом и пропели:

— Весна-красна! На чём пришла, на чём приехала?..

— На сошечке, на бороночке!

А Снегурочка что-то заскучала.

— Что с тобою, дитя моё? — говорила не раз ей Марья, приголубливая её. — Не больна ли ты? Ты всё такая невесёлая, совсем с личика спала. Уж не сглазил ли тебя недобрый человек?

А Снегурочка отвечала ей всякий раз:

— Ничего, бабушка! Я здорова...

Вот и последний снег согнала весна своими красными днями. Зацвели сады и луга, запел соловей и всякая птица, и всё стало живей и веселее. А Снегурочка, сердечная, ещё сильнее скучать стала, дичится подружек и прячется от солнца в тень, словно ландыш под деревцем. Ей только и любо было, что плескаться у студёного ключа под зелёною ивушкой.

Снегурочке всё бы тень да холодок, а то и лучше — частый дождичек. В дождик и сумрак она веселей становилась. А как один раз надвинулась серая туча да посыпала крупным градом, Снегурочка ему так обрадовалась, как иная не была бы рада и жемчугу перекатному. Когда ж опять припекло солнце и град взялся водою, Снегурочка поплакалась по нём так сильно, как будто сама хотела разлиться слезами, — как родная сестра плачется по брату.

Вотуж пришёл и весне конец; приспел Иванов день. Девки с села собрались на гулянье в рощу, зашли за Снегурочкой и пристали к бабушке Марье:

— Пусти да пусти с нами Снегурочку!

Марье не хотелось пускать её, не хотелось и Снегурочке идти с ними; да не могли отговориться. К тому же Марья подумала: авось разгуляется её Снегурушка! И она принарядила её, поцеловала и сказала:

— Поди же, дитя моё, повеселись с подружками! А вы, девки, смотрите берегите мою Снегурушку... Ведь она у меня, сами знаете, как порох в глазу!

— Хорошо, хорошо! — закричали они весело, подхватили Снегурочку и пошли гурьбою в рощу. Там они вили себе венки, вязали пучки из цветов и распевали свои весёлые песни. Снегурочка была с ними безотлучно.

Когда закатилось солнце, девки наложили костёр из травы и мелкого хворосту, зажгли его и все в венках стали в ряд одна за другою; а Снегурочку поставили позади всех.

— Смотри же, — сказали они, — как мы побежим, и ты также беги следом за нами, не отставай!

И вот все, затянувши песню, поскакали через огонь. Вдруг что-то позади их зашумело и простонало жалобно:

— Ау!

Оглянулись они в испуге: нет никого. Смотрят друг на дружку и не видят между собою Снегурочки.

— А, верно, спряталась, шалунья, — сказали они и разбежались искать её, но никак не могли найти. Кликали, аукали — она не отзывалась.

— Куда бы это девалась она? — говорили девки.

— Видно, домой убежала, — сказали они потом и пошли в село, но Снегурочки и в селе не было.

Искали её на другой день, искали на третий. Исходили всю рощу — кустик за кустик, дерево за дерево. Снегурочки всё не было, и след пропал.

Долго Иван и Марья горевали и плакали из-за своей Снегурочки. Долго ещё бедная старушка каждый день ходила в рощу искать её, и всё кликала она, словно кукушка горемычная:

— Ау, ау, Снегурушка! Ау, ау, голубушка!..

И не раз ей слышалось, будто голосом

Снегурочки отзывалось: «Ау!» Снегурочки же всё нет как нет! Куда же девалась Снегурочка? Лютый ли зверь умчал её в дремучий лес, и не хищная птица ли унесла к синему морю?

Нет, не лютый зверь умчал её в дремучий лес, и не хищная птица унесла её к синему морю; а когда Снегурочка побежала за подружками и вскочила в огонь, вдруг потянулась она вверх лёгким паром, свилась в тонкое облачко, растаяла... и полетела в высоту поднебесную.

Скороговорки. Зима

З, м

Заморозила зима и заборы и дома.

З

Запоздалая зима за ночь избы замела.

З, р, м

Зимним утром от мороза

На заре звенят березы.

З, в

На зимнем небе в морозы

Загораются яркие звезды.

И, л

Иней лег на ветви ели,

Иглы за ночь побелели.

М, р, с

Мороз мост мостил,

Мостил – не вымостил.

В, л

Навалилось в валенки снега Вале маленькой.

З, л

Зимой поле белое, промерзло-заледенено.

С

- Мороз за нос кусает до слез.

- Береги нос в большой мороз.

- Сад в снегу и лес в снегу, а по снегу я бегу.

- Снежинки ловит Тая, они слетают, тая.

Потешки про зиму:

- «Ты, мороз, мороз, мороз,
Не показывай свой нос!
Уходи скорей домой,
Стужу уводи с собой.
А мы саночки возьмём,
Мы на улицу пойдём,
Сядем в саночки — Самокаточки».
- «Уж ты зимушка-зима,
Ты с морозами пришла.
Ветер воет, вьюга вьёт,
Вдоль по улице метёт.
Белым снегом замело
Все дороги на село,
Все дороги, все пути,
Ни проехать не пройти».
- «Как по снегу, по метели
Трое саночек летели.
И шумят, и гремят,
Колокольчики звенят.
В первых санках — дедушка,
В других санках — бабушка,
В третьих санках — тётушка.
Наша Катя выбегала,
Дорогих гостей встречала,
Ворота им отперла,
В нову горенку вела».
«Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок,
Выпал беленький снежок,
Ехал Ванечка дружок,
Ваня ехал, поспешал,
Со добра коня упал,
Он упал, упал, лежит —
Никто к Ване не бежит,
Две девушки увидали —
Прямо к Ване подбежали,
Прямо к Ване подбежали,
На коня Ваню сажали,
Путь-дорогу показали».

Сергей Есенин

Поет зима — аукает...

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А выюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильнее.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

Я. Аким
ПЕРВЫЙ СНЕГ

Утром кот
Принёс на лапах
Первый снег!
Первый снег!

Он имеет
Вкус и запах,
Первый снег!
Первый снег!

Он кружится,
Лёгкий,
Новый,
У ребят над головой,

Он успел
Платок пуховый
Расстелить
На мостовой,

Он белеет
Вдоль забора,
Прикорнул на фонаре,

Значит, скоро,
Очень скоро,
Полетят салазки
С горок,

Значит, можно будет
Снова
Строить крепость
Во дворе!

Русская народная сказка в обработке М. Булатова

«Лисичка-сестричка и волк»

Бежала лиса по дороге. Видит — едет старик, целые сани рыбы везёт. Захотелось лисе рыбки. Вот она забежала вперёд и растянулась посреди дороги, будто неживая.

Подъехал к ней старик, а она не шевелится; ткнул кнутом, а она не ворохнётся. «Славный будет воротник старухе на шубу!» — думает старик.

Взял он лису, положил на сани, а сам пошёл впереди. А лисичке только того и надо. Огляделась она и давай потихоньку рыбу с саней сбрасывать. Всё по рыбке да по рыбке. Повыбрасывала всю рыбу и сама ушла.

Приехал старик домой и говорит:

— Ну, старуха, какой я тебе воротник привёз!

— Где же он?

— Там, на санях, и рыба, и воротник. Ступай возьми!

Подошла старуха к саням, смотрит — ни воротника, ни рыбы.

Вернулась она в избу и говорит:

— На санях-то, дед, кроме рогожи, ничего нету!

Тут старик догадался, что лиса не мёртвая была. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка тем временем собрала на дороге всю рыбу в кучку, уселась и ест.

Подходит к ней волк:

— Здравствуй, лиса!

— Здравствуй, волчок!

— Дай мне рыбки!

Лиса оторвала у рыбки голову и бросила волку.

— Ох, лиса, хорошо! Дай ещё!

Лиса бросила ему хвостик.

— Ах, лиса, хорошо! Дай ещё!

— Ишь ты какой! Налови сам, да ешь.

— Да я не умею!

— Экой ты! Ведь я ж наловила. Ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая! Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая!». Вот рыба сама на хвост и нацепляется. Посиди подольше — наловишь побольше!

Волк побежал на реку, опустил хвост в прорубь, сидит да приговаривает:

— Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая!

А лисица прибежала, ходит вокруг волка да приговаривает:

— Мёрзни, мёрзни, волчий хвост! Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Волк скажет:

— Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая!

А лисица:

— Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Волк опять:

— Ловись, ловись, рыбка, большая и маленькая!

А лиса:

— Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

— Что ты там, лиса, говоришь? — спрашивает волк.

— Это я тебе, волк, помогаю: рыбу к хвосту подгоняю!

— Спасибо тебе, лисица!

— Не за что, волчок!

А мороз всё сильнее да сильнее. Волчий хвост и приморозило крепко-накрепко.

Лиса кричит:

— Ну, тяни теперь!

Потянул волк свой хвост, да не тут-то было! «Вот сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» — думает он. Оглянулся волк кругом, хотел лису на помощь звать, а её уже и след простыл — убежала. Целую ночь провозился волк у проруби — не мог хвост вытащить.

На рассвете пошли бабы к проруби за водой. Увидели волка и закричали:

— Волк, волк! Бейте его! Бейте его!

Подбежали и стали колотить волка: кто коромыслом, кто ведром. Волк туда, волк сюда. Прыгал, прыгал, рванулся, оторвал себе хвост и пустился без оглядки. «Подожди, — думает, — уж я тебе, лисонька, отплачу!»

А лиса съела всю рыбку и захотела ещё чего-нибудь раздобыть. Забралась она в избу, где хозяйка блины поставила, да и попала головой в квашёнку. Залепило ей тестом и глаза, и уши. Выбралась лисица из избы — да поскорее в лес...

Бежит она, а навстречу ей волк.

— Так-то, — кричит, — ты меня научила в проруби рыбу ловить? Избили меня, исколотили, хвост мне оторвали!

— Эх, волчок, волчок! — говорит лиса. — У тебя только хвост оторвали, а мне всю голову разбили. Видишь: мозги выступили. Насилу плетусь!

— И то правда, — говорит волк. — Где уж тебе, лиса, идти! Садись на меня, я тебя довезу.

Лиса села волку на спину, он её и повёз.

Вот лиса едет на волке и потихоньку припевает:

— Битый небитого везёт! Битый небитого везёт!

— Что ты, лисонька, там говоришь? — спрашивает волк.

— Я, волчок, говорю: «Битый битого везёт».

— Так, лисонька, так!

Довёз волк лису до её норы, она соскочила, в нору юркнула и давай над волком смеяться-посмеиваться: — Нету у волка ни разума, ни толку!

Зимовье зверей

Шел бык лесом, попадается ему навстречу баран.

– Куда, баран, идешь? – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – говорит баран.

– Пойдем со мною!

Вот пошли вместе, попадается им навстречу свинья.

– Куда, свинья, идешь? – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – отвечает свинья.

– Иди с нами.

Пошли втроем дальше, навстречу им гусь.

– Куда, гусь, идешь? – спрашивает бык.

– От зимы лета ищу, – отвечает гусь.

– Ну, иди за нами!

Вот гусь и пошел за ними. Идут, а навстречу им петух.

– Куда, петух, идешь? – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – отвечает петух.

– Иди за нами!

Вот идут они путем-дорогою и разговаривают промеж себя:

– Как же, братцы-товарищи! Время подходит холодное, где тепла искать? Бык и сказывает:

– Ну, давайте избу строить, а то и впрямь зимою замерзнем.

Баран говорит:

– У меня шуба тепла – вишь какая шерсть! Я и так перезимую.

Свинья говорит:

– А по мне хоть какие морозы – я не боюсь: зароюсь в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

– А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденусь, меня никакой холод не возьмет; я и так перезимую.

Петух говорит:

– И я тоже!

Бык видит – дело плохо, надо одному хлопотать.

– Ну, – говорит, – вы, как хотите, а я стану избу строить.

Выстроил себе избушку и живет в ней. Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран делать нечего, приходит к быку.

– Пусти, брат, погреться.

– Нет, баран, у тебя шуба теплая; ты и так перезимуешь. Не пущу!

– А коли не пустишь, то я разбегуся и вышибу из твой избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: “Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит”, – и пустил барана.

Вот и свинья озябла, пришла к быку:

– Пусти, брат, погреться.

– Нет, не пущу! Ты в землю зароешься и так перезимуешь.

– А непустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу уроню.

Делать нечего, надо пустить. Пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух:

– Пусти, брат, к себе погреться.

– Нет, не пущу! У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; и так перезимуете!

– А непустишь, – говорит гусь, – так я весь мох из твоих стен повыщиплю, тебе же холоднее будет.

– Непустишь? – говорит петух. – Так я взлечу наверх, всю землю с потолка сгребу, тебе же холоднее будет.

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе да поживают в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать.

Услышала лиса, что петух песенки распевает, захотелось петушком полакомиться, да как достать его? Лиса отправилась к медведю да волку и сказала:

– Ну, любезные мои! Нашла я для всех поживу: для тебя, медведь, – быка, для тебя волк, – барана, а для себя – петуха.

– Хорошо, лисонька! – говорят медведь и волк. – Мы твоих услуг никогда не забудем. Пойдем же зарежем их да поедим!

Лиса привела их к избушке. Медведь говорит волку:

— Иди ты вперед!

А волк кричит:

— Нет, ты посильнее меня, иди ты вперед!

Ладно, пошел медведь; только что в двери — бык наклонил голову и припер его рогами к стенке. А баран разбежался, да как бацнет медведя в бок и сшиб его с ног. А свинья рвет и мечет в клочья. А гусь подлетел — глаза щиплет. А петух сидит на брусу и кричит:

— Подайте сюда, подайте сюда!

Волк с лисой услышали крик да бежать!

Вот медведь рвался, рвался, насилиу вырвался, догнал волка и рассказывает:

Только что вошел я в избу, откуда ни возьмись, баба с ухватом на меня... Так к стене и прижала! Набежало народу пропасть: кто бьет, кто рвет, кто шилом в глаза колет. А еще один на брусу сидел да все кричал: «Подайте сюда, подайте сюда!» Ну, если б подали к нему, кажись бы, и смерть была!

Ю. Дмитриев

«Снегирь»

Ты знаешь, многие птицы с наступлением холодов улетают на юг. А есть и такие, что прилетают к нам только зимой. И называются они «снегири», потому что появляются у нас вместе со снегом. Что за странное желание — жить у нас зимой, когда здесь холодно и все птицы уже давно на юге? Но дело в том, что наши леса для снегирей уже «тёплые края»: летом они живут гораздо севернее, там, где очень сильные морозы.

Узнать снегирей легко. Их красные грудки, голубовато-серые спинки, чёрные бархатные шапочки и крылья хорошо заметны на фоне белого снега. Снегири — птицы солидные. Не торопясь перелетают они небольшими стайками с дерева на дерево, вежливо уступая самкам (которые окрашены так же, лишь грудь буровато-серого цвета) лучшие грозди рябины.

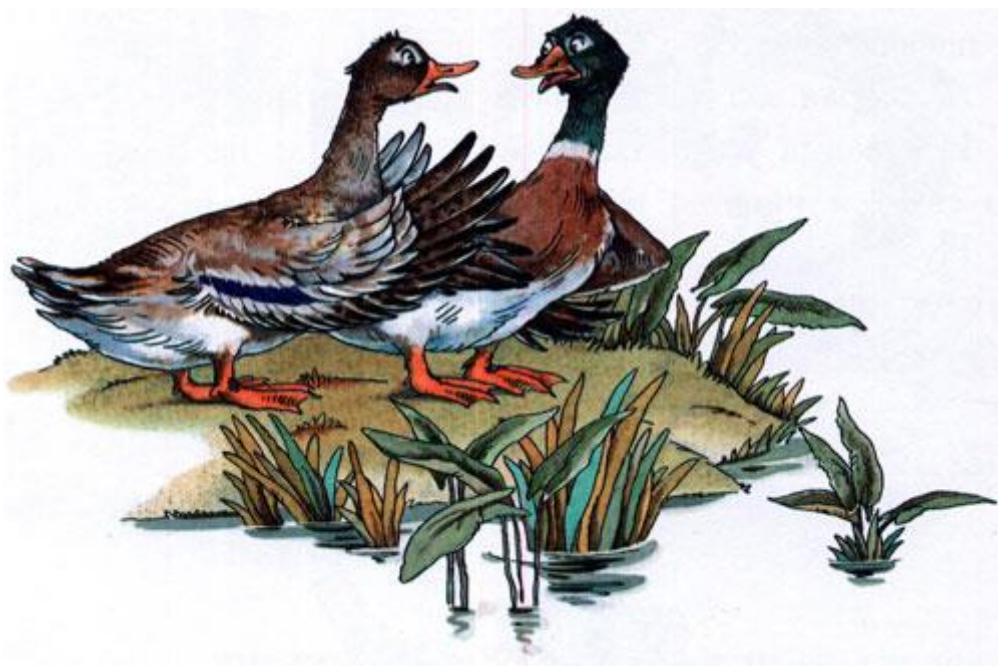
Когда зазвенит песня зяблика, снегири уже будут далеко на севере — на родине. Совьют там гнёзда, выведут и вскормят птенцов. А поздней осенью или в начале зимы снова раздастся их низкий звонкий посвист: «Жю... жю... жю... — мы прибыли!» Добро пожаловать! У нас в лесу всегда рады гостям.

Серая шейка

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привел всех птиц в большую тревогу. Все начали готовиться в далёкий путь и все имели такой серьезный, озабоченный вид. Да, нелегко перелететь пространство в несколько тысяч верст... Сколько бедных птиц дорогой выбьется из сил, сколько погибнет от разных случайностей, – вообще, было о чем серьезно подумать.

Серьезная, большая птица – лебеди, гуси и утки собирались в дорогу с важным видом, сознавая всю трудность предстоящего подвига; а более всех шумели, суетились и хлопотали маленькие птички – кулички-песочники, кулички-плавунчики, чернозобики, черныши, зуйки. Они давно уж собирались стайками и переносились с одного берега на другой, по отмелям и болотам с такой быстротой, точно кто бросил горсть гороху. У маленьких птичек была такая большая работа...

Лес стоял темный и молчаливый, потому что главные певцы улетели, не дожидаясь холода.

– И куда эта мелочь торопится! – ворчал старый Селезень, не любивший себя беспокоить. – В свое время все улетим... Не понимаю, о чем тут беспокоиться.

– Ты всегда был лентяем, поэтому тебе и неприятно смотреть на чужие хлопоты, – объяснила его жена, старая Утка.

– Я был лентяем? Ты просто несправедлива ко мне, и больше ничего. Может быть, я побольше всех забочусь, а только не показываю вида. Толку от этого немного, если буду бегать с утра до ночи по берегу, кричать, мешать другим, надоедать всем.

Утка вообще была не совсем довольна своим супругом, а теперь окончательно рассердилась:

– Ты посмотри на других-то, лентяй! Вон наши соседи, гуси или лебеди, – любо на них посмотреть. Живут душа в душу... Небось лебедь или гусь не бросит своего гнезда и всегда – впереди выводка. Да, да... А тебе до детей и дела нет. Только и думаешь о себе, чтобы набить зоб. Лентяй, одним словом... Смотреть-то на тебя даже противно!

– Не ворчи, старуха!.. Ведь я ничего не говорю, что у тебя такой неприятный характер. У всякого есть свои недостатки... Я не виноват, что гусь – глупая птица и поэтому нянчится со своим выводком. Вообще мое правило – не вмешиваться в чужие дела. Зачем? Пусть всякий живет по-своему.

Селезень любил серьезные рассуждения, причем оказывалось как-то так, что именно он, Селезень, всегда прав, всегда умен и всегда лучше всех. Утка давно к этому привыкла, а сейчас волновалась по совершенно особенному случаю.

– Какой ты отец? – накинулась она на мужа. – Отцы заботятся о детях, а тебе – хоть трава не расти!..

– Ты это о Серой Шейке говоришь? Что же я могу поделать, если она не может летать? Я не виноват...

Серой Шейкой они называли свою калеку-дочь, у которой было переломлено крыло еще весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утенка. Старая Утка смело

бросилась на врага и отбила утенка; но одно крылышко оказалось сломанным.

– Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую. Шейку одну, – повторяла утка со слезами. – Все улетят, а она останется одна-одинешенька. Да, совсем одна... Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мерзнуть... Ведь она наша дочь, и как я ее люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе...

– А другие дети?

– Те здоровы, обойдутся и без меня.

Селезень всегда старался замять разговор, когда речь заходила о Серой Шейке. Конечно, он тоже любил ее, но зачем же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замерзнет, – жаль, конечно, а все-таки ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях. Жена вечно волнуется, а нужно смотреть на вещи просто. Селезень про себя жалел жену, но не понимал в полной мере ее материнского горя. Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса совсем съела Серую Шейку, – ведь все равно она должна погибнуть зимою.

Старая Утка, ввиду близившейся разлуки, относилась к дочери-калеке с удвоенной нежностью. Бедная Серая Шейка еще не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка. Правда, ей иногда делалось завидно, что ее братья и сестры так весело собираются к отлету, что они будут опять где-то там, далеко-далеко, где не бывает зимы.

– Ведь вы весной вернетесь? – спрашивала Серая Шейка У матери.

– Да, да, вернемся, моя дорогая... И опять будем жить все вместе.

Для утешения начинавшей задумываться Серой Шейки мать рассказала ей несколько таких же случаев, когда утки оставались на зиму. Она была лично знакома с двумя такими парами.

– Как-нибудь, милая, перебьешься, – успокаивала старая Утка. – Сначала поскучаешь, а потом привыкнешь. Если бы можно было тебя перенести на теплый ключ, что и зимой не замерзает, – совсем было бы хорошо. Это недалеко отсюда... Впрочем, что же и говорить-то попусту, всё равно нам не перенести тебя туда!

– Я буду всё время думать о вас... – повторяла бедная Серая Шейка. – Всё буду думать: где вы, что вы делаете, весело ли вам... Всё равно и будет, точно и я с вами вместе.

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться веселой и плакала потихоньку ото всех. Ах, как ей было жаль милой, бедненькой Серой Шейки!.. Других детей она теперь почти не замечала и не обращала на них внимания, и ей казалось, что она даже совсем их не любит.

А как быстро летело время! Был уже целый ряд холодных утреников, от инея пожелтели березки и покраснели осины.

Вода в реке потемнела, и самая река казалась больше, потому что берега оголились, – береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжелыми облаками, ронявшими мелкий осенний дождь.

Вообще хорошего было мало, и который день уже неслись мимо стаи перелетной птицы...

Первыми тронулись болотные птицы, потому что болота уже начинали промерзать. Дольше всех оставались водоплавающие. Серую Шейку больше всего огорчал перелет журавлей, потому что они так жалобно курлыкали, точно звали ее с собой. У нее в первый раз сжалось сердце от какого-то тайного предчувствия, и она долго провожала глазами уносившуюся в небе журавлиную стаю.

«Как им, должно быть, хорошо!» – думала Серая Шейка.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлету. Отдельные гнезда соединялись в большие стаи. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро эта молодежь с веселым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далекого перелета. Умные вожаки сначала обучали отдельные партии, а потом – всех вместе. Сколько было крика, молодого веселья и радости...

Одна Серая Шейка не могла принимать участия в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла! Вода для нее составляла всё.

– Нужно отправляться... пора! – говорили старики вожаки. – Что нам здесь ждать?

А время летело, быстро летело... Наступил и роковой день. Вся стая сбилась в одну живую кучу на реке. Это было ранним осенним утром, когда вода еще была покрыта густым туманом. Утиный косяк сбился из трехсот штук. Слышно было только криканье главных вожаков.

Старая Утка не спала всю ночь – это была последняя ночь, которую она проводила вместе с Серой Шейкой.

– Ты держись вон около того берега, где в реку сбегает ключик, – советовала она. – Там вода не замерзнет целую зиму...

Серая Шейка держалась в стороне от косяка, как чужая...

Идет загрузка рекламы

Да все были так заняты общим отлетом, что на нее никто не обращал внимания. У старой Утки всё сердце изболелось за бедную Серую Шейку. Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?..

– Ну, трогай! – громко скомандовал главный вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась на реке одна и долго провожала глазами улетевший косяк. Сначала все летели одной живой кучей, а потом вытянулись в правильный треугольник и скрылись.

«Неужели я совсем одна? – думала Серая Шейка, заливаясь слезами. – Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса меня съела...»

III

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое – и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днем тонкий, как стекло, лед таял.

«Неужели вся река замерзнет?» – думала Серая Шейка с ужасом.

Скучно ей было одной, и она всё думала про своих улетевших братьев и сестер. Где-то они сейчас? Благополучно ли долетели? Вспоминают ли про нее? Времени было достаточно, чтобы подумать обо всем. Узнала она и одиночество. Река была пуста, и жизнь сохранялась только в лесу, где посвистывали рябчики, прыгали белки и зайцы.

Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем выкатил Заяц.

– Ах, как ты меня напугала, глупая! – проговорил Заяц, немного успокоившись. – Душа в пятки ушла... И зачем ты толчешься здесь? Ведь все утки давно улетели...

– Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, когда я была еще совсем маленькой...

– Уж эта мне Лиса!.. Нет хуже зверя. Она и до меня давно добирается... Ты берегись ее, особенно когда река покроется льдом. Как раз сцапает...

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка, и спасал свою жизнь постоянным бегством.

– Если бы мне крылья, как птице, так я бы, кажется, никого на свете не боялся!.. У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмешь и нырнешь в воду, – говорил он. – А я постоянно дрожу со страху... У меня – кругом враги. Летом еще можно спрятаться куда-нибудь, а зимой всё видно.

Скоро выпал и первый снег, а река всё еще не поддавалась холоду. Всё, что замерзало по ночам, вода разбивала. Борьба шла не на живот, а на смерть. Всего опаснее были ясные, звездные ночи, когда всё затихало и на реке не было волн. Река точно засыпала, и холод старался сковать ее льдом сонную.

Так и случилось. Была тихая-тихая, звездная ночь. Тихо стоял темный лес на берегу, точно стража из великанов. Горы казались выше, как это бывает ночью. Высокий месяц обливал всё своим трепетным, искрившимся светом.

Бурлившая днем, горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холод, крепко-крепко обнял гордую, непокорную красавицу и точно прикрыл ее зеркальным стеклом.

Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замерзла только самая середина реки, где образовалась широкая полынья. Свободного места, где можно было плавать, оставалось не больше пятнадцати сажен.

Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса – это была та самая Лиса, которая переломила ей крыло.

– А, старая знакомая, здравствуй! – ласково проговорила Лиса, останавливаясь на берегу. – Давненько не видались... Поздравляю с зимой.

– Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать, – ответила Серая Шейка.

– Это за мою-то ласку! Хороша же ты, нечего сказать!.. А впрочем, про меня много лишнего говорят. Сами наделают что-нибудь, а потом на меня и свалят... Пока – до свиданья!

Когда Лиса убралась, приковылял Заяц и сказал:

– Берегись, Серая Шейка: она опять придет.

И Серая Шейка тоже начала бояться, как боялся Заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом нее чудесами. Наступила уже настоящая зима. Земля была покрыта белоснежным ковром. Не оставалось ни одного темного пятнышка. Даже голые березы, ольхи, ивы и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. А ели сделались еще важнее. Они стояли засыпанные снегом, как будто надели дорогую теплую шубу.

Да, чудно хорошо было кругом! А бедная Серая Шейка знала только одно, что эта красота – не для нее, и трепетала при одной мысли, что ее полынья вот-вот замерзнет и ей некуда будет деться. Лиса действительно пришла через несколько дней, села на берегу и опять заговорила:

– Соскучилась я по тебе, уточка... Выходи сюда, а не хочешь, так я и сама к тебе приду... Я не спесива...

И Лиса принялась ползти осторожно по льду к самой полынье. У Серой Шейки замерло сердце. Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что там лед был еще очень тонок. Она положила голову на передние лапки, облизнулась и проговорила:

– Какая ты глупая, уточка... Вылезай на лед! А впрочем, до свиданья! Я тороплюсь по своим делам...

Лиса начала приходить каждый день – проведать, не застыла ли полынья. Наступившие морозы делали свое дело. От большой полыни оставалось всего одно окно, в сажень

величиной. Лед был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху ныряла в воду, а Лиса сидела и зло посмеивалась над ней:

– Ничего, ныряй, а я тебя всё равно съем... Выходи лучше сама.

Заяц видел с берега, что проделывала Лиса, и возмущался всем своим заячьим сердцем:

– Ах, какая бессовестная эта Лиса!.. Какая несчастная эта Серая Шейка! Съест ее Лиса...

По всей вероятности, Лиса и съела бы Серую Шейку, когда полынья замерзла бы совсем, но случилось иначе. Заяц всё видел своими собственными косыми глазами.

Дело было утром. Заяц выскочил из своего логовища покормиться и поиграть с другими зайцами. Мороз был здоровый, и зайцы грелись, доколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а все-таки весело.

– Братцы, берегись! – крикнул кто-то.

Действительно, опасность была на носу. На опушке леса стоял сгорбленный старичок охотник, который подкрался на лыжах совершенно неслышно и высматривал, которого бы зайца застрелить.

«Эх, теплая старухе шуба будет!» – соображал он, выбирая самого крупного зайца.

Он даже прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись в лес как сумасшедшие.

– Ах, лукавцы! – рассердился старичок. – Вот уж я вас... Того не понимают, глупые, что нельзя старухе без шубы. Не мерзнуть же ей... А вы Акинтича не обманете, сколько ни бегайте. Акинтич-то похитрее будет... А старуха Акинтичу вон как наказывала: «Ты смотри, старик, без шубы не приходи!» А вы – бегать...

Старичок пустился разыскивать зайцев по следам, но зайцы рассыпались по лесу, как горох. Старичок порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу реки отдохнуть.

– Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба! – думал он вслух. – Ну, вот отдохну и пойду искать другую.

Сидит старичок, горюет, а тут, глядь, – Лиса по реке ползет, – так и ползет, точно кошка.

– Ге, ге, вот так штука! – обрадовался старичок. – К старухиной-то шубе воротник сам ползет... Видно, пить захотела, а то, может, и рыбки вздумала половить.

Лиса действительно подползла к самой полынье, в которой плавала Серая Шейка, и улеглась на льду. Стариковские глаза видели плохо и из-за Лисы не замечали утки.

«Надо так ее застрелить, чтобы воротника не испортить, – соображал старик, прицеливаясь в Лису. – А то вот как старуха будет браниться, если воротник-то в дырках окажется... Тоже своя сноровка везде надобна, а без снасти и клопа не убьешь».

Старичок долго прицеливался, выбирая место в будущем воротнике. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым от выстрела охотник видел, как что-то метнулось на льду,— и со всех ног кинулся к полынье. По дороге он два раза упал, а когда добежал до полыньи, только руками развел: воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

— Вот так штука! — ахнул старичок, разводя руками. — В первый раз вижу, как Лиса в утку обратилась... Ну и хитёр зверь!

— Дедушка, Лиса убежала, — объяснила Серая Шейка.

— Убежала? Вот тебе, старуха, и воротник к шубе... Что же я теперь буду делать, а? Ну, и грех вышел... А ты, глупая, зачем тут плаваешь?

— А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено...

— Ах, глупая, глупая!.. Да ведь ты замерзнешь тут или Лиса тебя съест... Да...

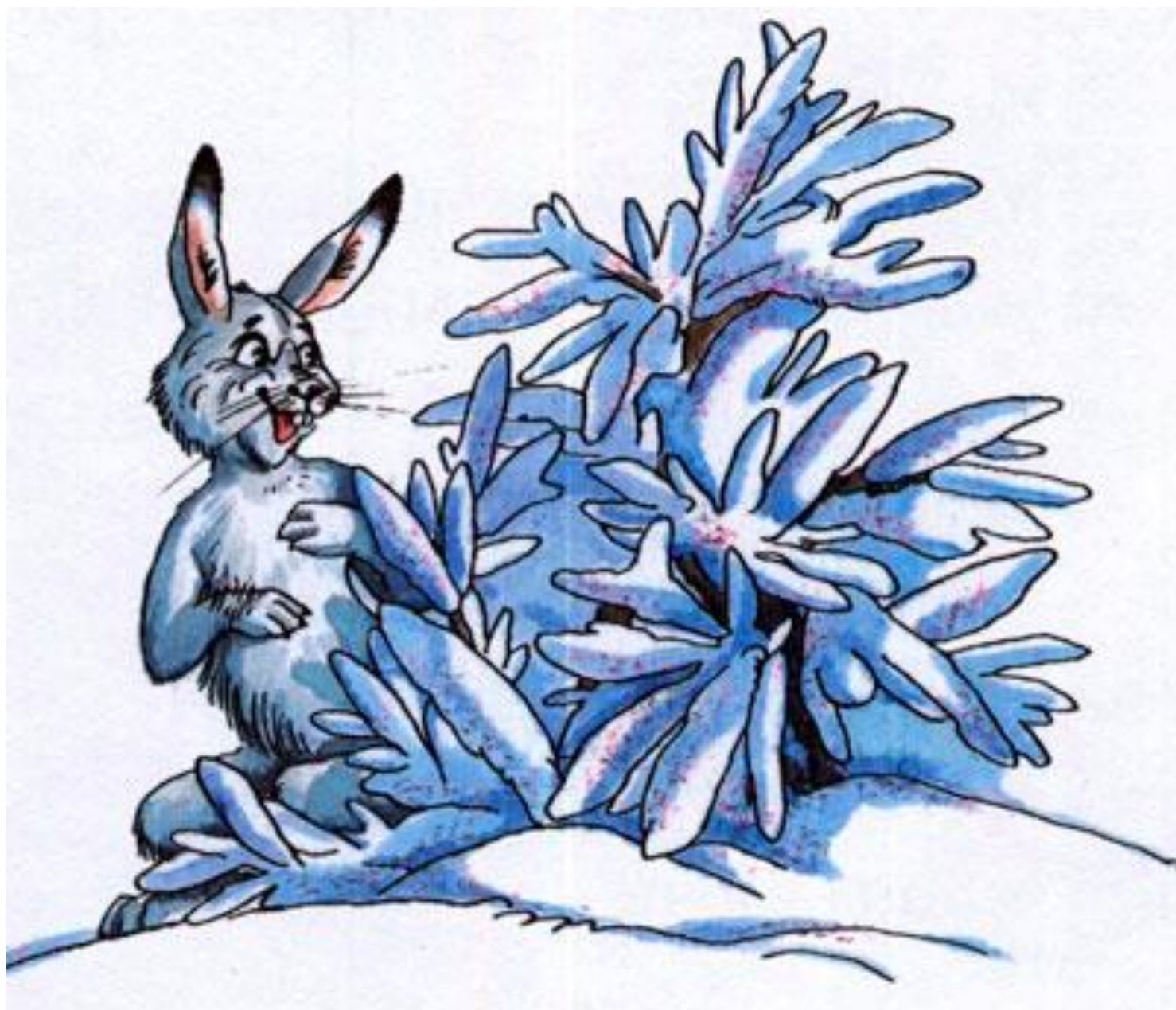
Старичок подумал-подумал, покачал головой и решил:

— А мы вот что с тобой сделаем: я тебя внучкам унесу. Вот-то обрадуются... А весной ты старухе яичек нанесешь да утят выведешь. Так я говорю? Вот то-то, глупая...

Старичок добыл Серую Шейку из полыньи и положил за пазуху.

«А старухе я ничего не скажу, – соображал он, направляясь домой. – Пусть ее шуба с воротником вместе еще погуляет в лесу. Главное – внушки вот как обрадуются...»

Зайцы всё это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замерзнет.

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ.

***Покормите птиц зимой.
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.
Не богаты их корма.
Горсть зерна нужна,
Горсть одна —
И не страшна
Будет им зима.***

Н. Плавильщиков

«Не видевши, не поверишь»

От мороза деревья трещат, а на елке — гнездо, а в гнезде птичка сидит и яички греет. Эта храбрая птица — клест.

Все птицы выют гнезда весной. У клестов свои порядки. Они выводят птенцов, когда много еды. Зима, весна, лето — им все равно. Было бы сытно.

Клестовая еда — семена из еловых и сосновых шишек. Шишки висят на дереве весь год. Клестам хватит еды и зимой, есть чем прокормить птенцов. В гнезде тепло. Клестиха не улетает из гнезда, корм ей приносит самец. Выведутся птенчики, и тогда мать сидит в гнезде, греет голых птенцов, да и сама от них греется.

Где много шишек, там много и клестов. Мало шишек — нет и клестов, им нечего делать в таком лесу: еды нет. Носы у клестов особенные — крестиком. Таким носом очень удобно выковыривать семена из шишек.

Хочешь увидеть клеста — ищи его в еловом лесу. Да не понизу смотри, а гляди на верхушки елок.

Увидишь — там высоко-высоко, возле шишек, птицы по веткам лазают, возле шишек, птицы по веткам лазают, вниз головой висят — вот они, клесты! А прислушаешься — услышишь: «кле-кле-кле». Это клесты перекликаются.

Виталий Бианки

"Кусок хлеба"

На мусорную кучу зимой только сытый не летит. Но сытых зимой мало. Всё видят голодные птичьи глаза. Чуткие уши всё слышат. Думаете, раз птичьи уши не заметны, то они и не чутки? Как бы не так! Тихо скрипнет дверь — а птицы слышат. Хозяйка выплеснет из ведра помой — сразу увидят. Уйдёт — они тут как тут. Они — это вороны, галки, сороки и сойки. Птицы смывлёные, осторожные, хитрые. Человека они знают и знают, когда его надо бояться. Больше всего они любят тех, кто не обращает на них внимания. Но внимание на них трудно не обратить.

Вороны прилетают, шумя отсыревшими крыльями, и забавно моргают, мелькая белым веком. Будто закатывают глаза от удовольствия. У сорок на чёрных бархатных спинках искрятся снежинки. А хвосты и крылья будто покрашены нефтью: отливают зелёным, лиловым и жёлтым.

Чёрные галки — в серых воротничках, глаза у них белые и удивлённые. Сойка наряднее всех: рыжий хохол, на крыле голубое — как рябь на воде. Ладная, ловкая. Полный рот набьёт, даже горло раздуется. И скорее в лес: по углам рассовать. Рассуёт и снова летит. Страшно, а летит. От страха даже рот открывает и хохол поднимает дыбом. Даже бормочет что-то под нос. Но голод ещё страшней.

Голод пригнал галку-инвалида. Какой-то охотник отстрелил ей нижнюю половинку клюва. Ни клюнуть, ни взять, ни почистить перья. Села, странно тонконосая, взъерошенная, отощавшая, с перьями-сосульками на брюшке. Будь что будет. Положила головку на снег и боком-боком уцепила кусок. Кусок — день жизни. Будет ли он и завтра? Видимо и невидимо птицы вокруг жилья.

Стукнула дверь: друг или враг? С ведром или с ружьём? Лучше бы спрятаться, да надо лететь. На мусорную кучу только сытый зимой не летит. А сытых зимой мало.

Стихотворение

За окном метут метели,
Но случается порой -
Прилетают свиристели
Ягод поклевать весной.
Куст боярышника гнётся
От напора птичьих стай.
Звон серебряный несётся,
Славя стылый урожай.
На рябину пересели,
Алых ягод напились,
И в морозный воздух трели
Тонким эхом понеслись.

Что такое Новый год?

Что такое Новый год?
Это всё наоборот:
Ёлки в комнате растут,
Белки шишек не грызут,

Зайцы рядом с волком
На колючей ёлке!
Дождик тоже не простой,
В Новый год он золотой,

Блещет что есть мочи,
Никого не мочит,
Даже Дедушка Мороз
Никому не щиплет нос.

Елена
Михай-
лова

Дед Мороз

Как-то одним зимнем днем катались маленький Павлик и его подружка Катя в лесу на лыжах. Уже начало смеркаться, и они заторопились домой, как вдруг среди сосен малыши заметили освещённый большой и красивый дом. «А что, если здесь живёт сам Дед Мороз?» — щёлкнула у Кати неожиданная мысль, и девочка тут же поделилась ей с Павликом.

— Давай проверим, это не займёт много времени, - продолжил мальчик, и дети незамедлительно двинулись в сторону большого дома.

Павлик не знал дома ли Дед Мороз, поэтому решил сначала заглянуть в окошко.

— Пойдём посмотрим! — предложил он Кате.

Подкрались дети потихонечку к окошку и видят: сидит в комнате старичок, весь в красном и с густой белой бородой, и упаковывает подарки. Настоящий Дед Мороз! Павлик лучше протёр заиндевшее стекло, и друзья увидели столько игрушек, сколько никогда не видели ни в одном магазине.

Дети потихонечку отошли от окна, чтобы не помешать Деду Морозу, и поспешили домой писать ему письма: ведь надо помочь старенькому дедушке, а то он не знает, кто какой подарок хочет получить на Новый год.

В новогоднее утро Павлик первым делом побежал к камину. И замер в удивлении: перед камином стоял маленький столярный столик, а на нём лежал набор столярных инструментов! Вот это да! Вот так подарок! И не беда, что игрушек не было, ведь теперь Павлик сможет делать их сам, а это гораздо интереснее! Он смастерил так много игрушек, что хватит не только ему, но и всем его друзьям!

Георгий Скребицкий

«Зимняя стужа»

В зимнем тумане встаёт холодное, тусклое солнце. Спит заснеженный лес. Кажется, всё живое замёрзло от этой стужи — ни звука, только изредка потрескивают от мороза деревья.

Я выхожу на лесную поляну. За поляной — густой старый ельник. Все деревья обвешаны крупными шишками. Шишек так много, что под их тяжестью склонились концы ветвей.

Как тихо! Зимой не услышишь пения птиц. Теперь им не до песен. Многие улетели на юг, а те, что остались, забились в укромные уголки, попрятались от лютого холода.

Вдруг словно весенний ветерок прошумел над застывшим лесом: целая стайка птиц, весело перекликаясь, пронеслась над поляной. Да ведь это клесты — природные северяне! Им не страшны наши морозы.

Клесты облепили вершины елей. Птички ухватились за шишки цепкими коготками и вытаскивали из-под чешуек вкусные семена. Когда хорош урожай шишек, этим птицам не грозит бескормица зимы. Везде себе еду разыщут.

Я стоял на поляне и наблюдал, как хлопотали клесты в своей воздушной столовой.

Утреннее солнце ярко освещало зелёные вершины елей, грозди румяных шишек и весёлых, пирующих птиц. И мне почудилось, что уже пришла весна. Вот сейчас запахнет талой землёй, оживёт лес и, встречая солнце, защебечут птицы.

Любуясь клестами, я вдруг увидел, как один из них, подлетев к старой ели, скрылся в заснеженных ветках, словно юркнул в снеговую пещерку. И тут мне вспомнилась одна замечательная особенность из жизни этих птиц особенность, которой я никогда не мог поверить. А вот теперь представился случай самому проверить. Крадучись, я подобрался к той ели и полез вверх по стволу. Острые иглы царапали лицо и руки, но я карабкался всё выше и выше.

Уже близка и вершина, а на дереве ничего нет.

Я начал спускаться и вдруг прямо перед собой увидел то самое, чего уже не надеялся найти: среди обледенелых, покрытых снегом веток едва виднелось небольшое гнездо, а в нём, как весной, озабоченно распушившись, сидела зеленоватая птичка — самочка клеста.

Неловким движением я качнул ветку. Испуганная птица вспорхнула. Я наклонился и замер от изумления: в гнезде копошились только что вылупившиеся, совсем голые птенцы.

Над самым гнездом свешивались заснеженные ветви. В лесу от мороза трещали деревья, а здесь, меж сучьев старой ели, будто уже наступила весна: заботливая мать выводила птенцов.

Я поскорее слез с дерева, чтобы не тревожить эту удивительную семью. Легко спрыгнул в снег, огляделся, и зимний лес уже не казался мне, как прежде, угрюмым и безжизненным.

Стоя под деревом, я тёр заочеченные в шерстяных варежках руки, посмеивался над собой и всё думал о голых малышах в гнезде, которым не страшна зимняя стужа.

Как звери Деда Мороза выбирали

Спорят звери под берёзой,
Выбирают Дед Мороза.

Заяц — этот слишком мал,
Волк — известный зубоскал,
А лиса в такой запарке
Всех оставит без подарка.

Пораскинули умишком
И решили выбрать мишку.
Но не вспомнили растяпы:
Спит всю зиму косолапый!

**На ёлке — шарики, игрушки,
Звезда сверкает на макушке.
Сто огоньков на ветках в ряд, —
Они так весело горят!
Вот наступил заветный час,
Куранты бьют двенадцать раз.
Мы вместе водим хоровод,
Встречаем дружно Новый год!
(Андрей Парошин)**

Путешествие с Дедом Морозом

Миша прогуливался по заснеженному лесу и неожиданно увидел свежие следы. Они заинтересовали его чрезвычайно: кто-то совсем недавно прошёл здесь в огромных-преогромных сапогах.

— Кто бы это мог быть? Неужели Дед Мороз!

И действительно, вскоре мальчик увидел вдалеке Деда Мороза.

— Ты удивлён, малыш, тем, что я оказался здесь? — спросил Дед Мороз подбежавшего Мишу. — Но у меня же есть волшебное быстроходное облако, которое в один миг переносит в любое место. Хочешь полетать на нём со мной?

Вот это да!!! Да кто же откажется от такого заманчивого предложения?! Дед Мороз усадил мальчика рядом с собой на облако, и они полетели в синеве ночи над заснеженными горами и долинами. Облако то взмывало ввысь, к ярким звёздам, то опускалось, касаясь верхушек пушистых ёлок. Какое же это было необыкновенное путешествие!

Вскоре внизу засверкали огоньки большого города. Все дети уже давно нарядили ёлки и теперь сидели по домам и ждали подарков от Деда Мороза. Только вот все каминные трубы, к сожалению, оказались закрыты. «Как же проникнуть в дома, чтобы оставить подарки? Неужели малыши так и не дождутся их?» — занервничал Миша.

— Не переживай, лучше внимательно смотри, как я всё ловко сделаю, — сказал Дед Мороз, словно прочитав мысли мальчика, и разбросал с облака множество маленьких разноцветных парашютиков с подарками. К каждому из них был привязан листочек с именем девочки или мальчика. Парашютики медленно опускались на город...

— Не волнуйся, — снова успокоил Мишу Дед Мороз, — внизу все парашютики встретят домовые и разнесут подарки детям.

Мише очень хотелось продолжить это замечательное путешествие с Дедом Морозом... но тут он неожиданно... проснулся и понял, что всё это ему, к сожалению, только приснилось.

— А где же мой подарок? Успел ли домовой принести его? — вскричал Миша, вспомнив свой незабываемый сон.

Вскочив с кровати, малыш подбежал к ёлке: какое счастье! Подарок в блестящей бумаге уже лежал на своём месте.

«А ведь кто знает, — подумал довольный Миша, — может быть, то, что я видел ночью, вовсе и не было сном?!»

Сказка «Ёлочка».

Наступал Новый год, и Виталику очень хотелось, чтобы у него дома стояла ёлочка. Он мечтал, как украсил бы её разноцветными шарами, маленькими свечами, красивыми гирляндами. Все друзья мальчика давно купили ёлки, а у него ёлки не было. Когда он пришёл на ёлочный базар, там уже ничего не осталось, последняя ёлка была продана. «Пойду-ка я в лес, — решил Виталик, — может быть, там и подыщу себе ёлку». Он взял топор и отправился в лес, туда, где росли большие и пышные ёлки, такие высокие и такие густые, каких ещё никогда и ни у кого не было.

После долгого и трудного пути по глубоким сугробам Виталик, наконец, пришёл к цели: он начал рубить одну из самых лучших ёлок — густую и пушистую. Дерево было таким огромным, что, срубив его, мальчик даже не смог приподнять свою добычу. Тогда он решил разрубить ёлку посередине. Но и эта ноша оказалась ему не под силу: Виталик, кряхтя, протащил её несколько метров, перевёл дыхание и опять принялся за работу. Никогда, наверное, не доберётся он до дома!

Измучившись вконец, малыш решил снова укоротить ёлку наполовину. «Плохо, конечно, — подумал он, — но моя ёлка всё равно останется самой лучшей. Затем он опять двинулся в путь.

До дома было всё ещё далеко, с Виталика крупными каплями уже лил пот, его руки были ободраны. И так, ещё много раз останавливаясь и всё укорачивая и укорачивая ёлочку, добрался Виталик до своего

домика. Глядит — а от ёлки-то осталась только верхушка!

Расстроенный, Виталик вернулся в лес и подыскал ёлочку поменьше — маленькую пушистую красавицу. Он уже было поднял топор, чтобы срубить её, но тут откуда ни возьмись появился зайчик и умоляюще закричал:

— Не руби её, пожалуйста! Это единственная маленькая ёлочка, которая у нас осталась!

Виталик с тоской опустил голову: «Теперь у меня не будет новогодней ёлки, — подумал он, но тут же его глаза вновь загорелись, — а может быть, нарядить вот эту, лесную?»

Он быстро сбегал домой и принёс для ёлочки разные украшения: блестящие игрушки, разноцветные шарики, затейливые гирлянды.

Лес оживился: прибежали белочки, прилетели воробьи, снегири, прискакали зайчата. Одни подвешивали шарики, другие подвязывали гирлянды, прикрепляли свечи. Ёлочка получилась очень нарядная, и все от души радовались, глядя на неё.

— Спасибо тебе, мальчик, за то, что ты устроил нам праздник! Мы тоже хотим сделать тебе подарок. Вот, возьми жёлуди и гирлянды из дубовых листьев. Укрась ими свой дом.

Виталик вернулся домой весёлый. Напевая, он украсил камин и, полюбовавшись своей работой, поставил рядом с ним свои сапожки, чтобы Дедушка Мороз смог ночью положить в них подарки.

— Как ты думаешь, мама, — спросил он, укладываясь спать, — Дед Мороз принесёт мне сегодня ночью игрушки?

— Конечно, — ответила ему мама, — обязательно принесёт!

Рано-рано утром, едва открыв глаза, Виталик быстро соскочил с кровати и кубарем скатился вниз по лестнице. От волнения у него громко стучало сердце. Найдёт ли он в сапожках желанные игрушки?

Но что это? Ни одной даже самой малюсенькой игрушечки не обнаружил он у камина. Зато здесь лежали пучки моркови, мешок орехов и целый пакет зёрен для птиц.

У Виталика даже слёзы на глазах выступили от огорчения, и он, печальный, вышел во двор.

Смотрит мальчик — бежит заяц, торопится, ещё издалека кричит ему:

— Идём скорее, под ёлкой полно игрушек! Наверное, это всё для тебя. Вот только для нас почему-то ничего нет.

Мальчик сразу всё понял. Вот, оказывается, в чём дело! Просто Дедушка Мороз перепутал подарки.

— А ты посмотри, зайчик, что он принёс мне!

Друзья забрали всё, что лежало у камина, и быстро побежали в лес.

И здесь, у ёлочки, Виталик увидел то, о чём он так давно мечтал: поезд с разноцветными вагончиками, большой-пребольшой мяч и самую настоящую гитару! Игрушек было так много, что за раз и не унесёшь!

Зайчата и бельчата, и все лесные обитатели тоже не могли нарадоваться своим подаркам.

Потом все встали в круг и принялись танцевать вокруг нарядной ёлочки.

Сказка про Новый год.

Жила-была чудесная пушистенякая и зеленая ёлочка. Она росла в волшебном лесу. Стояла на одной из полян, радуя своим видом многих лесных жителей. Но вот в скором времени пришла зима. Чудесный пушистый снежок осыпал ель, она становилась все прекраснее и наряднее, даря ей белоснежную шубу. Каждый день лосята, бельчата, синички, снегири веселились и играли возле елочки. Однажды зверята увидели в лесу людей и разбежались кто куда. Это оказались родители с двумя ребятишками – девочкой и мальчиком. - Папа, какая замечательная ёлочка! Это именно то, что нам необходимо! – закричали радостно детишки и начали тянуть отца за рукав. - Точно, давайте запоминайте полянку, я возьму топор, потом придем и срубим эту елочку, сказал глава семейства. А дома украсим ее, и она подарит нам отличное новогоднее настроение! Но тут вдруг девочка заплакала и сказала:

- Папочка, не руби, пожалуйста, елочку. Ведь она так красиво смотрится на полянке, зверята будут опечалены. - Дорогая моя, как же мы будем встречать новый год без этой красавицы? – спросил отец. - Папуличка, я придумала! Пойдем и купим в магазинчике искусственную елочку. Пусть красавица растет, и вокруг нее будут водить хороводы лесные зверята. Ведь им также необходим праздник. Глава семейства взглянул на малышку, задумался, потом улыбнулся.

- Да, дорогая моя доченька. Пусть ёлочку остается в лесу. Ведь в теплом доме она быстро пропадет. А на лесной полянке она будет еще очень долго радовать зверей и людей. Так они и решили, а потом пошли домой. Но на следующий день снова слышались шаги. Зверята не на шутку испугались. Неужели снова люди решили их навестить и срубить елочку. На полянку вышла та же семья, только в руках у папы был не топор, а большая коробочка, в которой было много шариков, бус, мягких игрушек, шишек. Начала семья украшать елочку. На самую макушку они одели красивую ярко-алую звезду. В качестве подарков для зверей положили много вкусностей: и сено, и яблочки, и орешки, и зернышки, чтобы лесные зверята могли весело и сытно встретить новый год.

- Какая же красавица вышла у нас!

— сказал папа. — Давайте, ребятишки домой. Нам еще нужно успеть купить елочку, пока не закрылись магазины. Когда дети и отец ушли, зверята, птицы выскочили и вылетели на лесную поляну и начали, есть угощения, потом водили вокруг елочки хороводы. Елочка стоит такая нарядная и красивая, радует всех окружающих. Наконец-то у ленных зверят тоже настоящий праздник! Всем весело, радостно, а главное елочка радует глаз.

Что такое Новый год?

Что такое Новый год?
Это всё наоборот:
Ёлки в комнате растут,
Белки шишек не грызут,

Зайцы рядом с волком
На колючей ёлке!
Дождик тоже не простой,
В Новый год он золотой,

Блещет что есть мочи,
Никого не мочит,
Даже Дедушка Мороз
Никому не щиплет нос.

Елена
Михай-
лова

